

Баринаова Ирина Александровна, Нестерова Наталия Михайловна

О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ И БИЛИНГВИЗМА ПЕРЕВОДЧИКА

Рассматривается проблема переводческого билингвизма, который всегда носит профессиональный характер, поскольку деятельность переводчика - это постоянное восприятие, воспроизведение и порождение речевых произведений, последовательно принадлежащих двум языковым системам. Иллюстрацией переводческого билингвизма и обостренной рефлексии является переводческая деятельность В. Набокова, в частности его двуязычная биографическая проза.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 20-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 85'23

Филологические науки

Рассматривается проблема переводческого билингвизма, который всегда носит профессиональный характер, поскольку деятельность переводчика – это постоянное восприятие, воспроизведение и порождение речевых произведений, последовательно принадлежащих двум языковым системам. Иллюстрацией переводческого билингвизма и обостренной рефлексии является переводческая деятельность В. Набокова, в частности его двуязычная биографическая проза.

Ключевые слова и фразы: психолингвистика; билингвизм; перевод; рефлексия; языковая рефлексия; речемыслительная деятельность.

Барина Ирина Александровна, к. филол. н., доцент

Нестерова Наталия Михайловна, д. филол. н., профессор

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

barinova.i.a@yandex.ru; nest-nat@yandex.ru

О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ И БИЛИНГВИЗМА ПЕРЕВОДЧИКА[©]

Известно, что рефлексия говорящего / пишущего над своей речью, т.е. осознание процесса речепорождения и контроль над ним, играет очень существенную роль в речемыслительных процессах. Исследование языковой рефлексии является, несомненно, очень важным для психолингвистики, которая, как известно, занимается изучением речевой деятельности, изучением механизмов порождения и восприятия текста. Однако, как отмечает А. А. Леонтьев, исследования рефлексии не заняли нужного места в развитии психолингвистики, не появилось и разработанной теории «контролируемой и осознаваемой речи», которая имела бы «огромное значение для совершенствования обучения чтению и письму, родному и иностранному языку» [4, с. 155]. Представляется, что данная теория особо необходима для подготовки профессиональных переводчиков, поскольку для переводчика рефлексия является неотъемлемой составляющей его профессиональной деятельности. В связи с этим полагаем, что перевод – это идеальный объект для рефлексивной психолингвистики, поскольку он есть универсальный речемыслительный механизм, в работе которого параллельно участвуют родной и иностранный языки, а это, в свою очередь, требует особо острой языковой рефлексии над речью на обоих языках и над межъязыковым переключением.

В связи с вышесказанным представляется несомненной связь переводоведения и психолингвистики. А. Д. Швейцер подчеркивал, что «поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а объектом теории перевода – особый вид речевой деятельности – перевод, задачи этих дисциплин во многом перекрещиваются. К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности» [9, с. 21]. В связи со сказанным он указывал, что «выявление психологической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности» [Там же]. Это с одной стороны, а с другой – перевод является «естественным способом получения объективных данных о работе человеческого мышления» [Там же, с. 22].

Таким образом, личность переводчика, его речемыслительная деятельность, которую можно считать усложненной, поскольку она включает в себя три (как минимум!) фазы: «понимание исходного текста, “отмысливание” от форм исходного языка и выбор форм языка перевода» [Там же, с. 21], должна интересовать исследователей. И, возможно, одним и интереснейших вопросов, связанных с деятельностью переводчика, является вопрос о специфике переводческого (профессионального) билингвизма, т.е. соотношения функционирования двух языков.

Исследование билингвизма относится к наиболее актуальным направлениям современной лингвистики и когнитивной науки в целом. Изучение двуязычия и многоязычия имеет давнюю научную традицию, а в последние десятилетия теория языковых контактов и, соответственно, теория билингвизма стали все больше привлекать внимание исследователей.

К сожалению, в современной теории билингвизма сложилась, на наш взгляд, парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что переводческий билингвизм остается, как правило, вне поля зрения большинства исследователей, изучающих природу этого явления. Практически нет специальных исследований переводческого билингвизма, хотя совершенно очевидно, что этот вид билингвизма и, соответственно, языковое сознание и речевое поведение переводчика должны стать объектом комплексного нейролингвистического и психолингвистического исследования, которое позволило бы прояснить механизмы соотношения функционирования двух языковых систем и кодового переключения в сознании переводчика, действующего в различных коммуникативных ситуациях.

Известный французский теоретик перевода Ж. Мунен писал, что «переводчик является билингвом по определению и, безусловно, он же является местом контакта двух (или более) языков, попеременно используемых этим индивидом». Таким образом, перевод, по определению Мунена, «это языковой контакт и одновременно явление билингвизма». Но данный вид билингвизма является особым, ученый называет его «предельным случаем» языкового контакта и билингвизма, «где сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организованно» [5, с. 37]. Особенность и предельность данного вида билингвизма заключается в том, что, в отличие от обычного «бытового» билингвизма, переводческий носит всегда профессиональный характер, поэтому его и определяют как «разновидность билингвизма,

характеризующаяся употреблением индивидуумом (группой людей) двух языков в ходе их профессиональной деятельности в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации» [8, с. 116].

Представляется, что ключевыми вопросами, касающимися профессионального переводческого билингвизма, являются следующие: 1) «Каким должен быть билингвизм профессионального переводчика?»; 2) «Как должно быть построено обучение и самообучение для достижения нужного типа билингвизма?». Сегодня вряд ли можно дать окончательные ответы на эти вопросы, но можно порассуждать.

Обратимся к определению билингвизма, принадлежащему Е. М. Верещагину, согласно которому билингвизм – это «психологический механизм (знания, умения, навык), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [2, с. 34]. Представляется, что именно это определение более всего соответствует переводческому билингвизму, поскольку деятельность переводчика – это и есть постоянное восприятие, воспроизведение и порождение речевых произведений, последовательно принадлежащих двум языковым системам. Если попытаться «вписать» переводческий билингвизм в имеющиеся классификации, то, видимо, в идеале он должен быть смешанным и продуктивным, а переводчик как билингв должен принадлежать к типу носителя языков координативного профиля. И, как правило, хорошие переводчики являются искусственными билингвами. Говоря о специфике переводческого билингвизма, необходимо подчеркнуть, что он есть результат профессионального обучения и, в первую очередь, самообучения.

Особенностью речемыслительной деятельности переводчика, как отмечалось выше, является обостренная языковая рефлексия, благодаря которой постоянно совершенствуются языковая компетенция переводчика и механизмы восприятия и порождения текста на двух (и более) языках. В связи с этим считаем, что профессиональная подготовка переводчиков непременно должна быть направлена на формирование особой переводческой рефлексии. Л. С. Выготский, рассматривая проблему осознанности речевых процессов, вводит три основных характеристики речевой рефлексии. Это *произвольность*, *намеренность* и *сознательность*. Произвольность означает выбор: сделать (сказать) или не сделать (не сказать) в зависимости от ситуации, при этом субъект не выбирает, **что** сделать. Намеренность – это уже способность субъекта выбрать одно действие из ряда возможных. Самый высший уровень рефлексии – это сознательность, которая предполагает осознанность цели действия, а также способность принимать решение о совершаемом действии прежде, чем достигнут конечный результат, совпавший или нет с поставленной целью [3, с. 267-269].

Исходя из названных уровней осознанности действий, можно сказать, что рефлексия переводчика должна быть самого высокого уровня, чтобы обеспечивать его сознательное речевое поведение и адекватное принятие решения относительно всех компонентов его высказывания на каждом из языков. Именно обостренная рефлексия позволяет переводчику осознанно бороться с межязыковой интерференцией, сопровождающей, как правило, языковой контакт, местом осуществления которого, как писал У. Вайнрайх, является «индивид, пользующийся попеременно двумя или несколькими языками» [1, с. 22].

Примером такого «попеременного пользования» языками может служить двуязычная автобиографическая проза В. Набокова, представленная двумя англоязычными версиями («Conclusive Evidence» и «Speak, Memoir!») и одной русскоязычной («Другие берега»). Данные варианты мемуаров писателя очень наглядно демонстрируют специфику, как переводческой языковой рефлексии, так и билингвизма.

Как известно, В. В. Набоков вошел в историю мировой литературы как писатель-билингв, как переводчик чужих и своих текстов, как теоретик перевода. О соотношении двух языков в его сознании он писал: «Русский и английский годами пребывали в моем сознании в виде двух отдельных миров <...> Я остро сознавал синтаксическую пропасть, разделяющую структуры их предложений» [6, с. 163-164]. И вот эти два «отдельных мира» встретились в его творчестве, когда он начал переводить собственные произведения. И если при автопереводе снимается проблема понимания исходного текста, то очень остро встает проблема «словесных превращений», поскольку задача переводчика – вписать свой собственный текст в матрицу иного языка, что неизбежно ведет к определенным жертвам и потерям. Сознать это для автора-переводчика мучительно, о чем и свидетельствуют слова самого В. Набокова: «Ужасная вещь – переводить самого себя, перебирая собственные внутренности и примеривая их, как перчатку, и чувствуя в лучшем словаре не друга, а вражеский стан» [цит. по: 7, с. 323].

Сегодня хорошо известна история этой «*linguistically chameleonic autobiography*», как ее остроумно назвала Е. Веаужоу [10]. Началась эта «трилогия» с написания на французском языке биографического очерка, озаглавленного «*Mademoiselle O*» (1936). Позднее в 1950 г., после выхода очерка на английском языке, Набоков напишет книгу под названием «*Conclusive Evidence*», авторский перевод которой на русский язык был выполнен в 1953 г. и получил название «Другие берега» (Очерк «*Mademoiselle O*» вошел в эту версию как отдельная глава). В 1966 г. свет увидела книга «*Speak, Memoir*» – расширенная и окончательная версия автобиографии. Таким образом, если исключить французский очерк, первым текстом «трилогии» становится английская версия, ее можно рассматривать как своего рода оригинал, который и становится объектом перевода.

В предисловии к «Другим берегам» Набоков писал: «Книга “*Conclusive Evidence*” писалась долго (1946-1950), с особенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад – мучительно недоговоренный русский, – а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный. В получившейся книге некоторые мелкие части механизма были сомнительной прочности, но мне казалось, что целое работает довольно исправно – куда я не взялся за безумное дело перевода “*Conclusive Evidence*” на прежний основной мой язык». Именно перевод на русский (родной для писателя) язык помог ему увидеть недостатки англоязычного текста, что и заставило его внести значительные изменения и дополнения, поскольку, как писал сам Набоков, «точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины». Сам он считал, что «русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо» [11, р. 134]. Так в истории мемуаристики и перевода произошло беспрецедентное событие – двойной перевод, окончательный

вариант которого «Speak, Memory» сам автор определил как «re-Englishing of a Russian re-version of what had been an English re-telling of Russian memories in the first place». При этом он признается, что данный процесс оказался для него «diabolic task» (дьявольски трудной задачей), что, несомненно, связано и с обостренной языковой рефлексией Набокова, осознанностью выбора языковых средств при создании всех трех версий.

Бесспорно, процесс работы над разноязычными версиями нельзя назвать переводом в буквальном смысле слова, но, с другой стороны, это, несомненно, авторский межъязыковой и внутриязыковой перевод, своего рода межъязыковая игра Мастера. Под пером автора текст развивается и эволюционирует на содержательном, смысловом и, конечно, языковом уровнях. Возможно это только при билингвальнойности и бикультурности языкового сознания автора-переводчика, каковым и являлось сознание В. Набокова, на формирование которого должна быть направлена профессиональная подготовка переводчика.

Список литературы

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
2. Верещагин Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: МГУ, 1969. 71 с.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. 519 с.
4. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
5. Мунен Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Межд. отношения, 1978. С. 36-41.
6. Набоков В. Смотри на арлекинов. СПб.: Азбука-классика, 2010. 288 с.
7. Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. Первая русская биография. М.: Пенаты, 1995. 552 с.
8. Оболенская Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 336 с.
9. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
10. Beaujour E. K. Alien Tongues. Bilingual Russian Writers of the 'First' Emigration. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989. 263 p.
11. Nabokov V. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 1999. 256 p.

ON PECULIARITIES OF TRANSLATOR'S LANGUAGE REFLECTION AND BILINGUALISM

Barinova Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nesterova Nataliya Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
 Perm National Research Polytechnic University
 barinova.i.a@yandex.ru; nest-nat@yandex.ru

The problem of translator's bilingualism is considered. Such bilingualism always has a professional character and translator's activity is a constant apprehension, reproduction and production of speech works, successively belonging to two linguistic systems. An example is given which illustrates a translator's bilingualism and keen reflection of V. Nabokov's translation activity, namely his bilingual autobiographical prose.

Key words and phrases: psycholinguistics; bilingualism; translation; reflection; language reflection; speech and mental activity.

УДК 821.111

Филологические науки

Статья раскрывает специфику концептов «смерть» и «мертвое тело» в их антинормативных отношениях с духовным началом на материале одного из произведений Н. Геймана, признанного классика в жанре фэнтези. В повести «The Graveyard book» мы видим человеческое тело во всевозможных проекциях и метаморфозах. Предпринята попытка доказать, что вышеупомянутые концепты, будучи отражением культурных и социально-исторических норм, несут большую смысловую нагрузку, превращаясь из объекта в субъект действия.

Ключевые слова и фразы: мертвое тело; антинормативность; социо-культурные ассоциации; абстракция; субъектно-объектные отношения.

Баронова Елена Владимировна, к. филол. н.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (филиал) в г. Арзамасе
 iprprepod@yandex.ru

КОНЦЕПТЫ «СМЕРТЬ» И «МЕРТВОЕ ТЕЛО» В ПОВЕСТИ Н. ГЕЙМАНА «ИСТОРИЯ С КЛАДБИЩЕМ»[©]

*Death is the deadline for all my assignments.
 Mary Mothersill*

Литературоведческая практика рассматривает человеческое тело в самых разных проекциях: оно вызывает противоречивые эмоции от скорби до маниакальной страсти, находясь в центре трагедии или фарса. За каждой брэнной оболочкой – своя история.